

Я. К. Грот

Труды

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
Я11

Я11 **Я. К. Грот**
Труды: Том 3 / Я. К. Грот – М.: Книга по Требованию, 2020. – 852 с.

ISBN 978-5-458-10128-8

Очерки из истории русской литературы.
(1848-1893).

Биографии, характеристики и критико-библиографические заметки.

ISBN 978-5-458-10128-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТР.
Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. 1865	1
Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову. Матеріалы для исторіи русскаго образованія. 1862	31
Приложенія:	
Письма Ломоносова	50
Письма Сумарокова	54
Биографическія свѣдѣнія о графѣ Сиверсѣ	69
Фонвизинъ. Разборъ сочиненія князя Вяземскаго. 1848	73
Иванъ Ивановичъ Хемницеръ. Биограф. извѣстія по новымъ ру- кописнымъ источникамъ. 1873	93
Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. 1866	120
Примѣчанія къ „Очерку“	143
Критическая замѣтка (о письмахъ Карамзина). 1861.	166
Объ изданіи переписки Карамзина съ Лафатеромъ. 1893	171
Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. 1883	172
Примѣчанія къ „Очерку“	185
Когда родился Жуковскій. 1883	197
Библиографическая замѣтка (о соч. Загарина о Жуковскомъ). 1883.	197
В. А. Жуковскій и Д. Н. Блудовъ 1884	199
О другихъ трудахъ Я. К. Грота касающихся Жуковскаго	200
Очеркъ личности и поэзіи Батюшкова. 1887.	201
О Крыловѣ:	
Литературная жизнь Крылова. 1868	213
Дополнительное биографическое извѣстіе о Крыловѣ. 1868	235
Приложенія	245
Сатира Крылова и его „Почта Духовъ“. 1863	251
Замѣтка о нѣкоторыхъ басняхъ Крылова. 1869	273
Два слова о приписанной Крылову баснѣ „Обѣдъ у Мед- вѣдя“. 1870	278
Библиографическія замѣтки:	
О книгѣ Ролстона. 1869	280
О нѣм. переводѣ басенъ F. Löwe. 1874	281

К. И. Арсенъевъ. 1866	284
О Плетневѣ:	
I. Изъ Акад. Отчета. 1866	288
II. Некрологъ П. А. Плетнева. 1866	291
III. Петръ Александровичъ Плетневъ (по поводу статьи И. С. Тургенева). 1869	294
IV. П. А. Плетневъ и его сочиненія. 1884	307
V. Предисловіе къ изданію Сочиненій и Переписки П. А. Плетнева. 1884	315
VI. Нѣсколько словъ о письмахъ Плетнева къ Гоголю. 1890	318
Князь П. А. Вяземскій:	
I. Рѣчь на юбилеѣ кн. Вяземскаго. 1861	320
II. Некрологъ кн. П. А. Вяземскаго. 1878	322
О Востоковѣ:	
I. Некрологъ. 1864	325
II. Похороны Востокова. 1864	326
III. А. X. Востоковъ. 1892	332
Д. Н. Блудовъ (некрологъ). 1864.	341
О Блудовѣ и Шевыревѣ. 1864.	343
И. И. Козловъ. 1890	352
Бѣлинскій и его мнимые послѣдователи	354
Воспоминаніе о Гоголѣ. 1864	363
„Кулакъ“, поэма Никитина. 1858.	366
Воспоминаніе о В. И. Далѣ (съ извлеченіями изъ его писемъ. 1873.	393
Письмо В. И. Даля къ Г. П. Гельмерсену	401
Воспоминаніе о П. П. Пекарскомъ. 1873	409
И. И. Срезневскій (некрологъ). 1880	413
А. А. Самборскій, законоучитель Императора Александра I (критическая замѣтка). 1889	415
Замѣтка о могилѣ Озерова. 1888	419
Библиографическая замѣтка. 1883	421
Замѣтка о пасторѣ И. X. Гротѣ. 1868	422
Объ авторѣ „Митюхи Валдайскаго“ (П. Н. Семеновъ). 1861	425
Ода Капитанъ Мартыновъ	431
Подражаніе Демьяновой Ухѣ	434
Объ Академіи Наукъ:	
I. Два слова объ Академіи Наукъ. 1861	436
II. О второмъ отдѣленіи Академіи Наукъ. 1868	439
III. Къ столѣтидесятилѣтнему юбилею Императ. Академіи Наукъ. 1876	449
IV. Пятидесятилѣтіе отдѣленія русскаго языка и словесности (очеркъ его дѣятельности). 1891	454
Критическія и библиографическія замѣтки:	
I. 1) Историческая хрестоматія новаго періода русской словесности, сост. А. Галаховымъ, т. I. 1861	479
2) О томъ же сочиненіи, т. II, 1864	483

II.	Исторія русской словесности древней и новой, А. Галахова, т. II, 1869	485
III.	1) О „Русскомъ Архивѣ“, изд. гг. Бартеневымъ и Ниселевымъ. 1864	499
	2) О томъ же изданіи, годъ I. 1865	501
IV.	Русскія народныя пѣсни, собран. П. В. Шейномъ. 1871.	502
V.	О трудахъ Н. Зейдлица: 1) Бакинская губернія, 2) Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ. 1871	504
VI.	О статьѣ г. Морфиля о Россіи. 1887	506
Перечень статей и трудовъ Я. К. Грота, касающихся Державина.		507
Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники.		
I.	Пушкинъ въ царскосельскомъ лицей	1
II.	Царскосельскій лицей	28
III.	Письма лицеиста Иличевского къ Фуссу	55
IV.	Старина царскосельскаго лица. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ лицейстахъ 1-го курса	70
	1. Малиновскій и Вальховскій	—
	2. Матюшкинъ	74
	3. Лицейскія годовщины	81
	4. Графъ Корфъ	87
	5. Учитель французскаго языка Де-Будри	91
	6. Литературное общество въ лицей при Энгельгардтѣ	93
V.	Очеркъ біографіи Пушкина	99
VI.	Личность Пушкина, какъ человѣка	108
VII.	Приготовительныя занятія Пушкина для историческихъ трудовъ	117
VIII.	Замѣтка о перепискѣ Пушкина съ Плетневымъ	124
IX.	Полотняный Заводъ, имѣніе Гончаровыхъ (письмо В. П. Бездорова къ Я. К. Гроту)	129
X.	Къ родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ	134
XI.	Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ	135
XII.	Автографъ „19 октября“	142
XIII.	Дополненія къ изданіямъ Пушкина	154
XIV.	Историческій очеркъ сооруженія памятника Пушкину	163
	Извлеченіе изъ Отчета о первомъ присужденіи премій	
	А. С. Пушкина	173
XV.	Письмо А. С. Пушкина къ И. И. Мартынову	174
	„ „ „ къ В. Д. Вальховскому	175
XVI.	Еще о лицейскихъ товарищахъ Пушкина	176
	1. Декабристъ въ Сибири (Письмо И. И. Пушкина къ Е. А. Энгельгардту)	—
	2. П. Ѳ. Гревеницъ	188
	3. Вдова поэта барона А. А. Дельвига	189
	4. Замѣтка издателя	—
XVII.	Хронологическая канва для біографіи Пушкина	191
Приложенія.		
I.	Замѣтки о Пушкинѣ лицейскихъ его товарищей	218
	1. Записка С. Д. Комовскаго	—
	2. Записка графа М. А. Корфа	222

II. Секретныя донесенія о связяхъ между Пушкинымъ и Плетневымъ.	255
III. Изъ переписки между товарищами Пушкина	256
IV. Письмо кня. Е. Н. Мещерской о смерти Пушкина	258
V. Два стихотворенія (Я. К. Грота)	263
Примѣчанія и дополненія.	267
Замѣтка издателя объ остаткахъ лицейскаго архива I-го курса	298
Описаніе тетради автографовъ Пушкина (собств. Я. К. Грота)	300
Алфавитныя указатели именъ и названій	303
Замѣченныя опечатки	331

ОЧЕРКЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЛОМОНОСОВА ¹⁾).

1865.

„Современники могли только удивляться ему; мы судимъ, различаемъ и тѣмъ живѣе чувствуемъ его достоинство... Если гений и дарованія ума имѣютъ право на благодарность народовъ, то Россія должна Ломоносову монументомъ.“

Карамзинъ.

„Ломоносовъ былъ великій человекъ... Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, Ломоносовъ объясилъ всѣ отрасли просвѣщенія.“

Пушкинъ.

„Всякое прикосновеніе къ любезной сердцу его Россіи, на которую глядитъ онъ подъ угломъ ея сіяющей будущности, исполняетъ его силы чудотворной.“

Гоголь.

То, что въ эти дни совершается по всей Россіи въ память родоначальника нашей литературы, есть празднество мысли, какого еще не бывало у насъ; это — общественное празднество русскаго просвѣщенія.

Въ такую эпоху, когда давно-признанныя заслуги подвергаются строжайшему пересмотру, выраженіе всеобщаго сочувствія къ Ломоносову есть явленіе и отрадное и знаменательное.

Оно отрадно, потому что въ идеѣ его — признаніи духовнаго превосходства — соединяются люди всѣхъ категорій, примиряются разнородные и даже противоположные взгляды.

Оно знаменательно какъ несомнѣнный признакъ усиленія въ нашемъ обществѣ умственныхъ интересовъ, оживленія въ немъ національнаго чувства и любви къ родному слову. Въ Ломоносовѣ мы чувствуемъ могущество природнаго ума, который, въ борьбѣ съ враждебною судь-

---

¹⁾ Читанный въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 6-го апрѣля 1865 года. Напечат. въ VII т. Записокъ Имп. Академіи Наукъ.

бой, завоевалъ знаніе и проложилъ себѣ широкій путь въ жизни; но мы чувствуемъ и науку, давшую ему значеніе и славу; мы чувствуемъ въ Ломоносовѣ сочетаніе пылкаго генія съ ненасытною пытливостью и неутомимымъ трудолюбіемъ.

Въ сто лѣтъ, протекшія со смерти Ломоносова, отношеніе его къ русской литературѣ уже значительно измѣнилось. Въ первыя 50 лѣтъ онъ считался законодателемъ въ поэзіи, въ краснорѣчьи, въ языкѣ; поэты и ораторы видѣли въ немъ свой образецъ и старались только о томъ, какъ бы сравняться съ нимъ. Впослѣдствіи вліяніе его ослабѣло, русская поэзія и проза приняли новыя формы, но слава его осталась неприкосновенною. Въ настоящее время происходитъ новый поворотъ въ исторіи его значенія для потомства. Съ развитіемъ нашей гражданской жизни и народности въ литературѣ, на первый планъ въ оцѣнкѣ Ломоносова выступаетъ его общественная дѣятельность, его національное значеніе; онъ является передовымъ борцомъ русской мысли, русской науки, и общая дань памяти его есть торжественное признаніе драгоцѣннѣйшихъ духовныхъ сокровищъ націи.

Съ славой Ломоносова, съ удивленіемъ, которое къ нему питали современники и сохраняютъ потомство, въ рѣзкомъ противорѣчьи скудость того, что сдѣлано во сто лѣтъ для его изученія. По смерти его осталось довольно большое число неизданныхъ сочиненій; нѣкоторыя изъ нихъ впослѣдствіи были напечатаны, но значительная часть не дошла до насъ; неизвѣстно даже, куда дѣвались рукописи. Гдѣ остались его Ораторія и Поэзія, двѣ книги, составлявшія продолженіе его Риторики? Гдѣ его „мысли, простиравшіяся къ приращенію общей пользы“, изложенныя въ запискахъ, изъ которыхъ только одна — „о размноженіи и сохраненіи російскаго народа“ намъ извѣстна? Не много сдѣлано до сихъ поръ и для критической оцѣнки заслугъ Ломоносова. Правда, количество отдѣльныхъ статей, напечатанныхъ о немъ въ этотъ періодъ, очень велико; многочисленны разбросанныя въ періодическихъ изданіяхъ матеріалы для его біографіи; но слишкомъ мало было трудовъ, которые бы имѣли цѣлью, на основаніи строгаго научнаго анализа, установить вѣрный взглядъ на значеніе Ломоносова въ той или другой сферѣ дѣятельности. Даже языкъ его еще не былъ подвергнутъ подробному изслѣдованію. Имѣющіяся до сихъ поръ изданія его сочиненій не полны и неудовлетворительны во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ согласить такое невниманіе къ трудамъ Ломоносова съ признаніемъ его великаго историческаго значенія?

Это противорѣчіе объясняется прежнимъ состояніемъ нашего общества и нашей литературы. Оттого такъ долго оставались подъ спудомъ и матеріалы для біографіи Ломоносова, появляющіяся нынѣ въ первый разъ, благодаря пробудившейся въ обществѣ потребности подобныхъ изданій, благодаря духу времени, который все извлекаетъ изъ праха

забвенія, все разыскиваетъ и подвергаетъ изслѣдованію. Нѣтъ сомнѣнія, что эти матеріалы составятъ эпоху въ изученіи Ломоносова, дадутъ новую жизнь исторіи нашей литературы 18-го столѣтія. Славѣ Ломоносова они не повредятъ: если тутъ или тамъ его недостатки выступаютъ теперь въ болѣе рѣзкихъ чертахъ, за то и достоинства его являются въ болѣе яркомъ свѣтѣ. Но скрывать или искажать факты, когда рѣчь идетъ о немъ, было бы недостойно его величія. Не онъ ли всю свою жизнь искалъ истины, любя выше всего науку? Если мы хотимъ, чтобъ наша дань его достоинствамъ имѣла цѣну, мы должны открыто сознать и его недостатки. Иначе наше слово было бы не чествованіемъ, а оскорбленіемъ его памяти, потому что оно оскорбило бы истину и науку.

Но если Ломоносовъ не всегда отвѣчаетъ нашимъ понятіямъ о приличіи, о безпристрастіи и великодушіи, если онъ иногда является намъ слишкомъ раздражительнымъ или мнительнымъ, то, во-первыхъ, мы не должны забывать, что къ людямъ гениальнымъ вообще нельзя безусловно прилагать установленной мѣрки житейскихъ требованій; во-вторыхъ, необходимо имѣть въ виду не только состояніе русскаго общества во время Ломоносова, но и обстоятельства, среди которыхъ онъ росъ и развивался отъ дѣтства до поступленія въ Академію; надобно вспомнить нравы нашего 18-го столѣтія и среди ихъ цѣлый рядъ дѣятелей, представляющихъ черты однородныя, рядъ, во главѣ котораго стоитъ самъ Петръ Великій съ его вспыльчивымъ, крутымъ и жесткимъ нравомъ. Въ Россіи еще не было общаго уровня образованія; природныя свойства гораздо сильнѣе и рѣшительнѣе заявляли свои права; оттого тогдашніе люди являются вообще съ болѣе рѣзкими и выразительными фізіономіями. Ломоносовъ ни въ Заиконоспасскомъ училищѣ, ни въ нѣмецкомъ университетѣ не могъ научиться правиламъ общежитія; беспорядочный образъ жизни тогдашнихъ германскихъ студентовъ не могъ остаться безъ вліянія на молодого русскаго съ пылкими страстями, и мы не должны слишкомъ строго судить его за слабости и пороки, привитые къ нему обществомъ, среди котораго онъ провелъ свою молодость.

Біографія Ломоносова находилась до сихъ поръ въ весьма неудовлетворительномъ состояніи.

Нѣтъ, можетъ быть, ни одного писателя, жизнь котораго была бы, повидимому, столь хорошо извѣстна, но въ сущности была бы такъ мало разъяснена. Внѣшнія обстоятельства жизни Ломоносова такъ поразительны, что съ ними всякій русскій знакомился уже съ дѣтства, но на этомъ дѣло, по большей части, и останавливалось. Внутреннихъ сторонъ его біографіи никто не изучалъ надлежащимъ образомъ уже потому, что для этого недоставало положительныхъ данныхъ. Да притомъ и внѣшніе факты его жизни извѣстны были только въ общихъ

чертахъ; знакомство съ ними основывалось, болѣею частію, на преданіяхъ, на разсказахъ современниковъ и ближайшихъ потомковъ Ломоносова, а не на подлинныхъ документахъ. Тутъ первоначальными источниками служили немногія сообщенія самого Ломоносова въ письмахъ его, особенно къ Шувалову, разсказы Штелина, Новикова и біографія Ломоносова при изданіи его сочиненій Академіею Наукъ, также извѣстія академика Лепехина, который сообщилъ преданія о Ломоносовѣ, сохранившіяся на мѣстахъ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство; наконецъ свѣдѣнія, собранныя Свиньиннымъ.

Всѣ эти источники не только скудны, отрывочны, неполны, но и не совсѣмъ достовѣрны, особенно въ отношеніи къ хронологическимъ даннымъ, которые иногда оказываются въ нихъ просто ошибочными.

Такие недостатки никогда уже не могутъ быть отстранены вполне въ разсужденіи первой половины біографіи Ломоносова. Тѣмъ не менѣе и эта часть ея въ значительной мѣрѣ пополняется и исправляется издаваемыми нынѣ документами. Сюда относятся особенно тѣ изъ нихъ, которые напечатаны г. Куникомъ. Они объясняютъ подробно поводъ къ послыжѣ Ломоносова въ Германію, его положеніе, жизнь и занятія во время пребыванія за границею, а также и тогдашнія отношенія его къ Академіи. Эти свѣдѣнія дополняются нѣсколькими важными бумагами, отысканными г. Пекарскимъ. Въ свою очередь, обильные матеріалы, собранные г. Билярскимъ, обнимаютъ всю академическую дѣятельность Ломоносова. Изъ краткой автобіографической записки его открывается несомнѣнно, что онъ въ московскія Спасскія школы записался не прежде 15-го января 1731 года. А такъ какъ онъ передъ тѣмъ былъ короткое время въ Навигацкой школѣ, на переходъ же изъ родины въ Москву употребилъ до трехъ недѣль, то выходитъ, что онъ покинулъ свою деревню въ началѣ декабря или еще въ ноябрѣ 1730 года. На основаніи того же документа, рожденіе его можетъ быть отнесено къ 1712 году ¹⁾: въ этой запискѣ, составленной очевидно въ началѣ 1754 г., сказано, что ему было тогда 42 года. Чрезвычайно замѣчательно также, въ біографическомъ отношеніи, нѣмецкое письмо къ бібліотекарю Академіи Шумахеру, писанное Ломоносовымъ въ послѣднее время пребыванія его въ Марбургѣ, именно 16-го ноября 1740 года ²⁾. Письмо это бросаетъ сомнѣніе на точность всѣмъ извѣстнаго разсказа объ обстоятельствахъ бѣгства Ломоносова изъ Марбурга въ Голландію. Письмо написано въ оправданіе произвольнаго отъѣзда его изъ Фрейберга и почти все наполнено

¹⁾ По Штелину, онъ родился въ 1711 г., а по разсказу, слышанному Лепехинымъ, въ 1709 г. Возможно, что Ломоносовъ и самъ въ точности не зналъ года своего рожденія.

²⁾ См. *Сборникъ* г. Куника, стр. 167.

жалобами на бергфизика Генкеля, къ которому Ломоносовъ съ товарищами ѣздилъ изъ Марбурга учиться горному дѣлу. Будучи въ крайнемъ затрудненіи отъ безденежья и считая дальнѣйшее пребываніе въ Фрейбергѣ для себя бесполезнымъ, онъ въ маѣ 1740 г. отправился сперва въ Лейпцигъ, а потомъ въ Кассель, для личнаго объясненія съ бывшимъ президентомъ Академіи Кейзерлингомъ, который теперь былъ посломъ нашимъ при саксонскомъ дворѣ и по слухамъ находился въ этихъ городахъ. Не заставъ его тамъ, Ломоносовъ рѣшился ѣхать черезъ Голландію въ Петербургъ, но прежде захотѣлъ побывать въ Марбургѣ, чтобы снарядиться въ путь съ помощію друзей. Изъ Марбурга онъ пустился во Франкфуртъ-на-Майнѣ, а оттуда водою до Роттердама. Здѣсь русскій посланникъ гр. Головкинъ отказалъ ему въ помощи и объявилъ, что вовсе не желаетъ вмѣшиваться въ дѣло. Ломоносовъ поѣхалъ въ Амстердамъ и напелъ тутъ знакомыхъ купцовъ изъ Архангельска, которые отсовѣтовали ему возвращаться въ Россію безъ особаго вызова. Тогда онъ отправился опять въ Германію и на этомъ-то пути „вынесъ много опасностей и нужды, которыя какъ онъ говоритъ, было бы слишкомъ долго описывать“.

Эти слова заставляютъ насъ предполагать, что испытанныя имъ приключенія относятся къ обратному его путешествію изъ Голландіи, а не къ окончательному бѣгству его изъ Марбурга ¹⁾, гдѣ онъ послѣ того жилъ нѣсколько времени инкогнито и занимался алгеброй.

Это письмо Ломоносова любопытно, между прочимъ, и какъ свидѣтельство его быстрыхъ успѣховъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Одинъ изъ пунктовъ инструкціи, данной ему при отправленіи за границу, предписывалъ: „стараться ему о полученіи такой способности въ русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, чтобъ онъ ими свободно говорить и писать могъ“. Рядомъ съ этимъ стояло еще другое предписаніе: „присылать всегда по прошествіи полугода въ Академію Наукъ извѣстіе, какимъ наукамъ и языкамъ онъ обучается, также нѣчто изъ своихъ трудовъ въ свидѣтельство прилежанія“. Этими-то пунктами инструкціи объясняется, почему Ломоносовъ, осенью 1738 года, желая загладить передъ Академіею свое долгое молчаніе, прислалъ разомъ: донесеніе на нѣмецкомъ языкѣ, ученое сочиненіе на латинскомъ и русскій переводъ въ стихахъ французской оды (Фенелона). Такова же была причина присылки въ началѣ 1740 г. знаменитой оды на взятіе Хотина и относящагося къ ней письма о правилахъ російскаго стихотворства. Всѣмъ извѣстно, что въ этой одѣ Ломоносову служилъ образцомъ Гюнтеръ. Но въ чемъ именно состояло подражаніе, и почему онъ обратилъ такое вниманіе на этого поэта?

¹⁾ Согласно съ этимъ свидѣніе есть и въ бумагахъ Штелипа. Москвит. 1853 г., № 3.

Гюнтеръ, умершій въ 1723 году только 28 лѣтъ, справедливо пользовался тогда славою самаго талантливаго нѣмецкаго поэта: уже вышло нѣсколько, хотя еще и не полныхъ, изданій его сочиненій, и незадолго передъ паденіемъ Хотина появилась первая біографія покойнаго. Похвалы Гюнтеру вызвали противъ него и порицанія; противниками его были особенно послѣдователі рутиниста Готшеда. Но понятно, что въ томъ кругу, гдѣ обращался Ломоносовъ, талантъ Гюнтера былъ уважаемъ, особенно если вспомнить, что главнымъ покровителемъ покойнаго при жизни его, и первымъ его дѣнителемъ по смерти, былъ знаменитый лейпцигскій профессоръ Менке, бывшій въ сношеніяхъ съ наставникомъ Ломоносова Вольфомъ. Молодость несчастнаго Гюнтера, далѣе которой не продлилась его жизнь, представляетъ сходство съ первымъ періодомъ жизни Ломоносова. Гюнтеръ, силезскій уроженецъ, бѣжалъ также изъ родительскаго дома, слѣдя потребностямъ духа, противъ воли отца, который хотѣлъ заставить его учиться медицинѣ, тогда какъ сынъ чувствовалъ влеченіе къ поэзіи. Но для Гюнтера этотъ поступокъ сдѣлался источникомъ бѣдствій и ранней гибели: не смотря на его глубокое раскаяніе впоследствии, жестокой отецъ не согласился простить его и навсегда изгналъ изъ своего дома. Студенческая жизнь, какова она была въ тогдашнихъ германскихъ университетахъ, отразилась въ большей части стихотвореній Гюнтера, почему они, вѣроятно, были распространены между студентами. Изумительно-плодовитый талантъ его проявился болѣе всего въ пѣсняхъ, но и онѣ, какъ большая часть его стихотвореній, написаны на разные случаи всендневной жизни. По духу того времени, высшимъ родомъ такого стихотворства *на случаи* считались сочиненія въ похвалу какого-нибудь знатнаго лица или событія дворской жизни; сочиненія же этого рода были и самыя выгодныя, потому что доставляли авторамъ не только покровительство сильныхъ, но и деньги. Искать передъ всякимъ домашнимъ праздникомъ, или по поводу радостнаго случая, стихотворца, который бы ихъ воспѣлъ, было обычаемъ не только дворовъ, но и частныхъ людей. Чѣмъ значительнѣе было воспѣтое лицо или обстоятельство, тѣмъ болѣе правъ приобрѣтала ода на общее вниманіе. Вотъ почему, независимо отъ своего внутренняго достоинства, заняла такое видное мѣсто ода Гюнтера на миръ Австріи съ Турціей, заключенный въ Пассаровицѣ 1718 года. Написать ее побудилъ Гюнтера названный мною Менке, желая воспользоваться случаемъ доставить обезпеченное положеніе поэту, отъ котораго онъ такъ много ожидалъ. Гюнтеръ, вообще не любившій лести и хвалебнаго стихотворства, уступалъ однако-же не разъ требованіямъ своей эпохи. Едва ли Ломоносовъ, при своихъ ученыхъ занятіяхъ и студенческихъ развлеченіяхъ, имѣлъ время прилежно читать Гюнтера; но ему легко было ознакомиться съ прославленнымъ произведеніемъ